

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Мария Павловна КОТЮРОВА¹

УДК 81.13

К ТРАКТОВКЕ МОДЕЛИ «КАЧЕСТВО ЭТАЛОННОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА»

¹ доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка и стилистики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
kotyurova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5418-726X

Аннотация

Статья посвящена трактовке компонента модели «Качество эталонного научного текста». Рассматривается параметр «понятность — „мучительное непонимание“», входящий в состав комплекса качеств текста, в котором излагается *новое* знание. Объяснительный когнитивно-дискурсивно-стилистический подход к решению проблемы базируется на единстве двух сторон текста — собственно лингвистической, представленной его смысловой структурой, и экстралингвистической основы, обуславливающей смысловую данность текста. Новое знание оказывает сопротивление процессу понимания, что обуславливает применение «мягкого» интерпретативного подхода к тексту с новым знанием. «Мягкий» подход к анализу текста объясняется наличием объективных и субъективных причин, обусловленных: 1) *антропоцентричностью* нового знания (наличием «человеческого фактора»); 2) субъектно-объектной *целостностью* (членимостью лишь в познавательных целях); 3) *открытостью* знания в соответствии с функционированием в пределах закона всеобщей относительности; 4) неизбежным воздействием *дискурсивных факторов*, благодаря которым знание квалифицируется именно как *новое*; 5) принципиально важной значимостью *методологической* составляющей нового знания.

Цитирование: Котюрова М. П. К трактовке модели «качество эталонного научного текста» / М. П. Котюрова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 6-18.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-6-18

Интерпретативный характер как бесспорно специфическая черта гуманитарного знания неизбежно предполагает понимание текста не только самим автором, но и со стороны адресата. **Новизна** научного знания требует акцентировать обоснование, аргументировать степень достоверности, определенность / неопределенность репрезентированной информации. Деятельностный характер научного знания актуализирует значимость качеств субъекта познавательной деятельности, в стилистике текста трактуемых как **дискурсивные факторы**. Для оценки качества современной научной статьи значимыми являются такие факторы, как субъект речевой деятельности, тип мышления субъекта, когнитивные свойства субъекта, индивидуальный речевой стиль ученого и др. Поскольку научное знание характеризуется открытостью, оно не только индивидуально, но и социально, поэтому предъявляет коммуникативные требования к форме его бытия. Открытость способствует доступному включению адресата в процесс получения нового научного знания. Учитывая воздействие этих экстралингвистических факторов, необходимо применять гибкий, мягкий подход — дискурсивно-функционально-стилистический.

Ключевые слова

Научный текст с новым знанием, модель «Качество эталонного научного текста», параметр модели «понятность — „мучительное непонимание“», сопротивление нового знания пониманию, «мягкий» интерпретативный анализ текста.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-6-18

Введение

Научное знание XXI века пребывает в процессе активной интеграции национальных наук в единую мировую науку. Этот процесс охватывает прежде всего научные тексты, фиксирующие результат поиска нового научного знания. Какими параметрами должны обладать такие тексты?

Введем необходимые ограничения. Прежде всего методологические. **Цель** статьи — продолжить трактовку модели «Качество эталонного научного текста» [9-10]. Предполагается, что поставленная цель требует решения таких **задач**, как: 1) отбор материала, актуального для изучения данного вопроса, а именно текстов, фиксирующих результат поиска нового научного знания; 2) рассмотрение номинации понятность — «мучительное непонимание» применительно к неизбежному свойству восприятия научного знания как содержания научного текста; 3) трактовка данного свойства восприятия содержания научного текста в качестве параметра модели «Качество эталонного научного текста»; 4) обоснование «мягкого» интерпретативного анализа текста.

На наш взгляд, цели статьи может способствовать дискурсивно-стилистический анализ, поскольку именно он предполагает свободный выбор дискурсивных факторов, оказывающих воздействие (или не оказывающих) на порождение конкретного научного текста. В данном случае отдадим предпочтение таким факторам, как: 1 — субъект научно-познавательной деятельности как источник нового знания; 2 — субъект понимается как адресант либо как адресат текста, т. е. в качестве ком-

понента коммуникативной ситуации; 3 — учитывается лишь способность субъекта понимать содержание текста, т. е. видеть его в целостности, а также в окружающем его научном знании; 4 — рассматривается только один параметр модели.

Первый и второй факторы примем за очевидные, фоновые, поэтому обратим внимание на понимание содержания текста. Научное знание, полученное в гуманитарном дискурсе, представим в целостности и соотнесем с моделью «Качество эталонного научного текста» [9, с. 206], одним из параметров которой зафиксировано такое качество, как «понятность — „мучительное непонимание“». Здравый смысл подсказывает: можно предположить, что «мучительное непонимание» в качестве облигаторного свойства, известного из теории относительности А. Эйнштейна и характеризующего отвлеченное понятие «научное знание», вполне правомерно, в то время как отнести его к знанию, репрезентированному в тексте для читателя, т. е. в коммуникативном аспекте, неверно, даже недопустимо. Поэтому утверждение о включении этого свойства в состав «модели» представляется неожиданным, непредсказуемым. Отношение к этому парадоксу может быть неоднозначным в силу разных подходов к понятиям «научное знание» и «научный текст» в авторской стилистике (стилистике адресанта) и стилистике адресата. Обобщая такой «подступ», можно считать его соответствующим *мягкому* анализу текста в дискурсивном аспекте, заявленному ранее в отношении культуры письменной научной речи [6, с. 58-70].

Методы и основные понятия

Так, динамическая трактовка научно-познавательной деятельности субъекта акцентирует саму деятельность познающего субъекта в названии деятельностного подхода к знанию, полученному в условиях научного дискурса. Это аргумент в пользу дискурсивного характера знания. Действительно, онтологически даже закон (как высшая ступень знания) не освобожден от дискурса, поскольку «разлит» в реальной действительности в соответствии с его тотальностью, всеохватностью, а гносеологически принадлежит любому субъекту (понимаемому в качестве либо адресанта, либо адресата текста). Как представляется, и в методологическом отношении [1, 8] дискурсивность знания, именно его обусловленность множеством дискурсивных факторов, имеет особую значимость в научном тексте. При этом, как вполне обоснованно считает глубокий исследователь семантики естественно-научных терминов В. Д. Табанакова, «неоспоримой ценностью и основной характеристикой научного дискурса является его когнитивная составляющая» [17, с. 41], воздействующая прежде всего на научно-познавательную [18] и речевую индивидуальность его творца [6] ориентирует нас принять за основу *мягкий* подход к научному тексту.

Как соотнести *мягкий* подход с одним из параметров модели «Качество эталонного научного текста» «понятность — „мучительное непонимание“»? Какое отношение имеет этот параметр, отнюдь не принципиальный, явно спорный в применении к знанию, выраженному в опубликованном тексте с коммуникативной целью воспринять и понять текст?

И может ли быть достижима такая цель? Уточним: параметр двухкомпонентный, не жестко связанный, значит, градуальный. Мы имеем в виду понимание содержания научного текста в той или иной области знания, доступное специалисту.

Только в целом тексте можно дифференцировать понятийное содержание текста на совокупность исходных, основных и уточняющих понятий. Такая дифференциация целесообразна в связи с тем, что исходные (фоновые) и основные понятия входят в состав «ядра» терминосистемы текста, в то время как уточняющие находятся за ее пределами, значит, на периферии, в «зоне притяжения» научного знания, занимая в терминосистеме слабую, несущественную, позицию. Вместе с тем уточняющие понятия выполняют важную коммуникативную функцию — связующую в рамках познавательного процесса, актуализируя перспективный компонент наличного знания. Перспективный, значит, не жесткий, гипотетический, гибкий характер уточняющих понятий легко соотносится с индивидуальностью как порождающей, так и воспринимающей текст личности. Ясно, что авторская личность манипулирует терминованными понятиями в тексте «по своей воле», в соответствии со своим пониманием, так, как будто самому автору все понятно (хотя обычно это далеко не так, но это другой вопрос). Автор продвигается по пути в «незнакомое» в одних дискурсивных условиях, а его коммуникант — в совершенно других, в своем дискурсе, в своем сегменте эпистемического пространства. Совершенно уместно привести обобщение саратовского ученого К. Ф. Седова (безвременно ушедшего): «Понимание, как считают современные психолингвисты, — это не пассивное запоминание, а встречающая мыслительная активность, противопоставленная интенции собеседника. Это действие, на результат которого оказывает влияние весь предшествующий опыт человека, установка, определяющая стремление встать на точку зрения партнера коммуниканта» [15, с. 212]. Этот совершенно естественный информационный дисбаланс может привести читателя, если можно так сказать, к *недопониманию*. Предполагая возникновение такого «недопонимания», автор стремится помочь читателю, обеспечивая понимание *основного* содержания, зафиксированного определениями (а в них — четкими дефинициями) хотя бы главных терминов, благодаря метатекстовым дискурсивам, организующим мысль автора и читателя. Таких текстов немало. Но есть и другие: в них ясно кое-что, значит, многое неясно, нет определений (тем более — дефиниций!), хорошо, если есть представление о предмете знания, есть предчувствие его динамики. Такой текст «ищет выход», нуждается в поддержке, потому что он *может стать* источником, началом именно нового научного знания. Автор такого текста пребывает «в поиске». И неважно, в какой части эпистемического пространства оказался этот субъект познавательной деятельности — в эпицентре, развивая понятие, кажется, неплохо изученное предшественниками, либо на периферии, из несущественного создавая существенное.

Обобщая накопленный научно-познавательный опыт, следует заметить, что к оценке качества современной научной статьи необходимо применять не однозначный, жесткий, категоричный подход, а подход гибкий, можно сказать, мяг-

кий — дискурсивно-функционально-стилистический [3, с. 9-17; 6, с. 58-70]. Такая оценка подхода к тексту обусловлена тем, что, как мы убеждены, в научном тексте — в разной степени — проявляется индивидуальный опыт (что бесспорно), индивидуальный стиль мышления [18] и изложения научного содержания [6], обуславливающий именно «мягкий» интерпретативный анализ текста.

Не противопоставляя своего мнения, дополним мнение коллег, воспроизведя некоторые известные положения о понятиях «современный научный текст» и «научное знание». Данные понятия оказываются тесно связанными, если имеется в виду научное знание, репрезентированное как содержание научного текста.

Общеизвестно, что содержание всегда оформлено, так как, по определению, не существует в отрыве от формы. Обратимся к жанру научной статьи, воспользовавшись наблюдениями профессора О. Б. Сиротининой над статьей, прошедшей профессиональное редактирование. Так, «в статье соблюдены все современные требования: большая аннотация с параллельным размещением ее перевода на английском языке, как и ключевых слов, а также сведения об авторе, жесткая рубрикация всего содержания, внутренние ссылки в виде порядковых номеров в квадратных скобках и их полного списка в конце». Вместе с тем автор заключает: «К сожалению, часто... формальное соблюдение или, наоборот, несоблюдение современных требований к публикациям лишь затрудняет восприятие статьи читателем» [20, с. 79]. Все сказанное относится в целом к *форме* текста статьи. Мы выскажем свои соображения относительно типового содержания научной статьи.

Как известно из науковедения и эпистемологии, а также стилистики научного текста, научное знание многопланово, многомерно, многоступенчато, полифункционально, проще говоря, так разнообразно, что его целостность справедливо рассматривать как *относительное единство*. Обращаясь к тексту, создаваемому с целью выразить новое знание и передать его единомышленникам, нельзя не сказать, что будучи «свежим», «горячим» (в противном случае знание выступает в другой ипостаси), оно «оберегает» квалификацию нового, непознанного, непонятого, вместе с тем испытывая давление тенденции к пониманию.

Результаты исследования и их обсуждение

Сопротивление *нового знания* процессу понимания можно объяснить наличием объективных и субъективных причин, обусловленных:

- 1) *антропоцентричностью* нового знания (наличием «человеческого фактора»);
- 2) субъектно-объектной *целостностью* (членимостью лишь в познавательных целях), зафиксированной многокомпонентным понятием «эпистемическая ситуация»;
- 3) *открытостью* знания в соответствии с функционированием в пределах закона всеобщей относительности;
- 4) неизбежным воздействием *дискурсивных факторов*, благодаря которым знание квалифицируется именно как *новое*;
- 5) принципиально важной значимостью *методологической* составляющей нового знания.

1. Антропоцентричность пронизывает весь текст, хотя и не создает особого текстового уровня, поэтому от нее нельзя «избавиться», нельзя заменить ее коммуникативной «безличностью», сугубой объектностью. Так, приступая к созданию научного текста, автор информирует читателя о волевом выборе темы, ее актуальности, иногда эксплицитно обоснованной, т. е. с учетом контекста научного дискурса, иногда завуалированной, представленной имплицитно, лишь с точки зрения автора. Другое дело — *новизна* научного знания, с необходимостью требующая эксплицитного обоснования. Информирование о новизне детерминирует акцентное выделение таких характеристик излагаемого знания, как аргументированность — частичная или полная, отсюда степень его достоверности, определенность / неопределенность репрезентированной информации, основу (каркас) которой составляют понятия о реальных и идеальных предметах и их логических отношениях. Важно отметить, что антропоцентричность, проявляемая через определенность/неопределенность содержания, привлекает внимание исследователя в логико-семантическом, коммуникативно-психологическом и когнитивно-эпистемическом отношениях [14, с. 92-123].

2. Представим научное знание как объемное научно-познавательное целое, названное нами *эпистемической ситуацией*. Эта номинация фиксирует и статическое, и динамическое состояние знания в качестве продукта научно-познавательной деятельности субъекта — как индивидуального, так и коллективного. Новое научное знание имеет субъективированный характер, поскольку получено субъектом (преимущественно индивидуальным!) познавательной деятельности. Будучи удаленным от субъекта, автора знания, при условии освобождения от личностной «одежды», новое знание не может быть адекватно воспринято сообществом (что давно доказано!), значит, уходит в историю науки, так и не доходя до «ядра науки», оказываясь (хорошо, если до поры да времени!) бесполезным [16].

3. Акцент на деятельности, в процессе которой субъект получает научное знание, подчеркивает *относительность* результата этой деятельности. Вполне обоснованно об этом пишет Е. А. Баженова: «Типовое содержание текста в своем движении от незнания к знанию характеризуется относительностью, так как выдвинутая гипотеза не всегда развивается в высшую форму научного знания — теорию, способную выдержать «натиск» эмпирии и конкуренцию с другими теориями... «сюжеты» конкретных научных произведений представлены весьма разнообразно» [2, с. 107]. Закон всеобщей относительности распространяется на функционирование научного знания и потому служит основанием *открытости* продукта для прекращения/продолжения деятельности по его развитию и совершенствованию.

Примером продукта/результата научно-познавательной деятельности является определение развиваемого в тексте, значит, основного, понятия. В приведенном ниже определении акцентируем (посредством курсива и вопросительного знака) его открытость к продолжению «работы» над этим понятием, подчеркнутый призыв к читателю, можно сказать, «зазыв» последователей, скрытый диалог с ними.

См.: «Таким образом, функциональный стиль — это *своеобразный характер* (какой? — М. Котюрова) речи *той или иной* (?) социальной ее разновидности, соответствующей *определенной* сфере (?) общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемый *особенностями* (?) функционирования в этой сфере языковых средств и *специфической* (?) речевой организацией, создающей *определенную* (?) общую ее стилистическую окраску (макроокраску)» [7].

В науковедении известен прецедент: одно направление физики — термодинамика — квалифицируется *закрытой* областью науки, поскольку в ней решены все проблемы и нет вопросов, на которые уже не было бы получено ответов. Этот единичный прецедент является свидетельством того, как, скажем, непросто наука достигает полноты, непротиворечивости, целостности, всеобщности (в своем онтологическом и гносеологическом отношениях). Ясно, что научное знание характеризуется открытостью, оно не только индивидуально, но и социально, поэтому предъявляет коммуникативные требования к форме его бытия и распространения. Именно открытость способствует доступному включению адресата в познавательную коммуникацию, а именно в процесс получения нового научного знания, дает возможность расширять и углублять новое знание.

4. Деятельностный характер научного знания актуализирует значимость качеств субъекта познавательной деятельности, в стилистике текста трактуемых как *дискурсивные факторы*. Обоснование научного текста экстралингвистически актуализирует воздействие прежде всего стилеобразующих факторов, таких как форма общественного сознания, вид деятельности, социально значимая сфера общения и тип мышления. Кроме того, установлено, что порождение научного текста неизбежно подвержено влиянию сильнодействующих дискурсивных факторов [12]. Подчеркнем значимость таких факторов, как субъект речевой деятельности, тип мышления субъекта, когнитивные свойства субъекта, индивидуальный речевой стиль ученого и др. Уместно процитировать слова бывшего министра образования РФ В. М. Филиппова: «Чем более жесткие требования будет выдвигать перед человечеством природа, тем большее значение будут приобретать человеческие способности, дарования и качества. В этом смысле XXI век призван стать веком человеческих качеств». Отсюда ясно, что изложение именно нового знания «обезличивать» недопустимо: «шлейф индивидуальности» неизбежен и необходим. К такому выводу пришли авторы коллективной монографии [6].

5. Особая значимость *методологической составляющей* научно-познавательной деятельности при получении знания имеет двусторонний характер. С одной стороны, методологическая составляющая обусловлена для автора как познающего субъекта важностью вопроса «как получить знание, причем именно новое, ранее неизвестное», с другой — важностью для адресата как человека, выявляющего, воспринимающего и формирующего новое для себя научное знание. Методологическая характеристика научного знания, выраженная в тексте, в смысловой единице знания — эпистемической ситуации — соотнесе-

на с наличием (наряду с онтологическим) методологического и аксиологического компонентов научного знания. На основании известных обобщений ведущих ученых подчеркнем, что современная наука в целом нуждается в *методологизации*, поэтому авторы стремятся четко определить методологический аспект исследования, не позволяя его нивелировать [19]. Вместе с тем незаменимую роль играет *аксиологическая, т. е. ценностная*, составляющая нового научного знания, в процессе его формирования выполняющая функцию двигателя мыслительной деятельности ученого [5]. Существенно, что с этой целью активизируются совершенно неслучайные языковые единицы коммуникативного уровня, которые «объединены ролью средств, используемых в помощь адресату» [4, с. 5] для адекватного восприятия и интерпретации текста в дискурсе. Внимание именно к вспомогательной системе дискурсивов обусловило утверждение о том, что «лингвистике свойственна постоянная борьба стремления к строгому изучению языка по образцу естественных наук и желания исследовать язык в антропоцентрическом ключе, с учетом интуиции и творческих способностей людей» [4, с. 7]. Посредством процитированного обобщения мы подчеркиваем значимость не «линейного» содержания, а содержания объемного, подверженного влиянию личностных когнитивных качеств автора и читателя. Кстати, нельзя не отметить того, что минимизация вспомогательных дискурсивов в научном тексте вполне возможна при изложении результатов эмпирических наблюдений, экспериментальных данных, обоснованных, бесспорных, а также обобщений, не предполагающих дискуссионного диалога.

В плане абстрактной экспертной оценки научных статей подчеркнем следующее. Оценка не может относиться только к внешней схеме, т. е. посвященной рассмотрению оформления статей по естественным и гуманитарным наукам относительно соответствия единым требованиям. Хотя следует признать, что это необходимо. Вместе с тем несомненно, что оценка — с опорой прежде всего на содержание конкретного текста — должна быть *гибкой*, учитывающей, можно сказать, градуальный характер нового знания. Крен в сторону формы текста, по определению, не дает возможности учитывать многое из наличного дискурса: либо хотя бы некоторые положения из общего фонда знания, полученного предшественниками, либо весьма важные открытия, сделанные современниками, либо недостаточное раскрытие терминированного понятия, существенного для авторской концепции, либо неясно репрезентирующие методологическую и аксиологическую составляющие знания, либо неосуществленное стремление к гармонии формы и содержания текста. Разумеется, все эти «нюансы» научной статьи необходимо представить в тексте. Однако возможно ли — именно в одной статье? Бесспорно, нет, причем именно из-за формальных (по объему) ограничений. И не только. Воспользуемся мнением Ю. М. Лотмана: «Текст абсолютно понятный есть вместе с тем и текст абсолютно бесполезный» [13, с. 220]. Не поспоришь... Не случайны такие оценки, как неинтересный текст, скользящее внимание, затухающее внимание, отсутствие динамики мысли...

6. Понимание научного знания лишь в абстракции может быть осуществлено по общему алгоритму, причем построенному по законам не только формальной, но и диалектической логики. Понимание предполагает обобщение знания прежде всего на *одном этапе* его формирования. Но ведь и на одном этапе развития знание различно, оно является эмпирическим и теоретическим, общим и частным, полученным разными методами, способами, приемами и т. д. Оно является предварительным, «пилотажным», частично аргументированным, эксклюзивным или бесспорным. Для коммуникантов безразлично, каким языком выражено знание — родным или вторым для билингва-адресанта. Дело в том, что именно новое знание активно рождается на родном, материнском, языке.

Заключение

Гуманитарные науки носят *интерпретативный* характер (по Н. К. Рябцевой, «интерпретация — это субъективное мнение об объективной действительности»). Эта бесспорно специфическая черта гуманитарного знания неизбежно, по определению, проявляется в тексте по воле его создателя и предполагает понимание со стороны адресата, т. е. «мягко» воспринимающей и понимающей личности. Поэтому совершенно ясно, что в науке нельзя не учитывать человеческий фактор, соотносимый с субъектом познавательной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. О принципах и методах лингвостилистического исследования / О. С. Ахманова, Л. Н. Натан, А. И. Полторацкий, В. И. Фатюшенко. Под ред. О. С. Ахмановой. Москва: Издательство Московского университета, 1966. 184 с.
2. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. Пермь: Издательство Пермского университета, 2001.
3. Баженова Е. А. Дискурсивно-стилистический анализ текста / Е. А. Баженова // *Stylistyka* — XXIII. Opole, 2014. С. 9-17.
4. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: Монография / Е. Ю. Викторова. Саратов: Наука, 2015. 404 с.
5. Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста / Н. В. Данилевская. Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. 360 с.
6. Идиостилика научной речи: Наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография / М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева. ГОУ ВПО «Пермского государственного университета», НОУ ВПО «Западно-Уральского института экономики и права». Пермь, 2011. 394 с.
7. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: Учебник для студентов педагогических институтов по специальности №2101 / М. Н. Кожина // *Русский язык и литература*. 2-е издание, переработ. и доп. Москва: Просвещение, 1983. С. 49.
8. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие / З. И. Комарова. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2012. 818 с.

9. Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / М. П. Котюрова. 2-е изд., испр. Москва: Академия, 2012. 240 с.
10. Котюрова М. П. О модели «Качество научного текста» (к уточнению понятия «логичность психологичность») / М. П. Котюрова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2019. Том 5. № 1. С. 6-15. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-6-15
11. Котюрова М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование: учебное пособие / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Флинта: Наука, 2008. 280 с.
12. Котюрова М. П. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений): монография / М. П. Котюрова, Н. В. Соловьева. Москва: Флинта, 2019. 264 с.
13. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. Москва: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
14. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII — XX вв. / Под ред. М. Н. Кожиной. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Издательство Пермского университета, 1998. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. 396 с.
15. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика / К. Ф. Седов // Жанры речи. Саратов: Наука, 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 210-221.
16. Стёпин В. С. Становление научной теории (содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики) / В. С. Стёпин. Минск: Белорусский университет, 1976. 320 с.
17. Табанакова В. Д. Омонимичность естественно-научного термина в дискурсе и словаре: монография / В. Д. Табанакова, И. С. Трифонова. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2018. 140 с.
18. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е издание / М. А. Холодная. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 384 с.
19. Шаймиев В. А. Дискурсивность и метадискурсивность текста научного произведения / В. А. Шаймиев // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения / Материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2001. 541 с.
20. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения: монография / Под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Наука, 2021. 256 с.

Maria P. KOTYUROVA¹

UDC 81.13

INTERPRETATION OF QUALITY OF MODEL SCIENTIFIC TEXT

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian Language and Stylistics,
Perm State National Research University
kotyurova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5418-726X

Abstract

The article represents the parameter “understandability — painful lack of understanding” which is a part of text qualities when new knowledge is being presented. The explanatory cognitive discourse stylistic approach is based on unity of two text features – the linguistic one being represented by its semantic structure and the extralinguistic one which determines semantic reality of a text. A new knowledge hinders the process of understanding which implies the use of a soft interpretative approach for a text with new knowledge. This approach to text analysis has the following objective and subjective causes: 1) anthropocentrism of new knowledge; 2) subject-object integrity; 3) openness of knowledge in the framework of theory of general relativity; 4) discourse factors which render knowledge as something new; 5) importance of methodology of new knowledge.

The interpretative character as a specific feature of humanitarian knowledge implies that a text is understandable to its author as well as to its reader. The newness of scientific knowledge requires proofs and definiteness of representative information. The activity of scientific knowledge emphasizes the role of a subject of cognitive activity, this role is represented by discourse factors. Evaluating the quality of a modern scientific article includes such factors as a subject of speech activity, type of subject’s mentality, subject’s cognitive features, individual speech style of a scientist etc. Newness of scientific knowledge implies that this knowledge is not just individual but also social which makes communicative requirements. This newness promotes inclusion of a reader to the process of getting new scientific knowledge. So these extralinguistic factors require the use of soft discourse functional and stylistic approach.

Citation: Kotyurova M. P. 2022. “Interpretation of quality of model scientific text”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 6-18.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-6-18

Keywords

Scientific text with new knowledge, quality of model scientific text, model “understandability—painful lack of understanding”, hindering the process of understanding because of new knowledge, soft interpretative text analysis.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-6-18

REFERENCES

1. Akhmanova O. S., Natan L. N., Poltoratsky A. I., Fatyushenko V. I. 1966. On the Principles and Methods of Linguo-Stylistic Research. Edited by O. S. Akhmanova. Moscow: Moscow University Press. 184 p. [In Russian]
2. Bazhenova E. A. 2001. Scientific Text in the Aspect of Polytextuality. Perm: Perm University Press. [In Russian]
3. Bazhenova E. A. 2014. “Discursive-stylistic analysis of the text”. *Stylistyka* — XXIII. Opole. Pp. 9-17. [In Russian]
4. Viktorova E. Yu. 2015. Auxiliary System of Discourse: Monograph. Saratov: Nauka. 404 p. [In Russian]
5. Danilevskaya N. V. 2005. The Role of Evaluation in the Mechanism of Scientific Text Deployment. Perm: Perm University Press. 360 p. [In Russian]
6. Kotyurova M. P., Tikhomirova L. S., Solovieva N. V. (ed.). 2011. Idiostylistics of Scientific Speech: Our Ideas About the Speech Individuality of a Scientist: Monograph. GOU VPO “Perm State University”, NOU VPO “West Ural Institute of Economics and Law”. 394 p. [In Russian]
7. Kozhina M. N. 1983. “Textbook for students of pedagogical institutes in the specialty no. 2101”. Russian language and literature. 2^d edition. Moscow: Prosveschenie. P. 49. [In Russian]
8. Komarova Z. I. 2012. Methodology, Method, Technique and Technology of Scientific Research in Linguistics: Study Guide. Yekaterinburg: Publishing House of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 818 p. [In Russian]
9. Kotyurova M. P. 2012. Stylistics of Scientific Speech: A Textbook for Students of Institutions of Higher Professional Education. 2nd edition. Moscow: Academy. 240 p. [In Russian]
10. Kotyurova M. P. 2019. “On the model ‘Quality of scientific text’ (to clarify the concept of ‘logical psychological’)”. Tyumen State University Herald. Humanitarian research. Humanitates, vol. 5, no. 1, pp. 6-15. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-6-15 [In Russian]
11. Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. 2008. Culture of Scientific Speech: Text and Its Editing: Textbook. 2nd edition. Moscow: Flinta: Nauka. 280 p. [In Russian]
12. Kotyurova M. P., Solovieva N. V. 2019. Modern Scientific Text (Through the Prism of Discursive Changes): Monograph. Moscow: Flinta. 264 p. [In Russian]
13. Lotman Yu. M. 1996. Inside the Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History. Moscow: Languages of Russian culture. 464 p. [In Russian]

14. Kozhina M. N. (ed.). 1998. Essays on the History of the Scientific Style of the Russian Literary Language of the 18th — 20th Centuries. Vol. 2. Stylistics of a Scientific Text (General Parameters). Perm: Perm University Press. Part 2. Categories of Scientific Text: Functional and Stylistic Aspect. 396 p. [In Russian]
15. Sedov K. F. 2009. “Linguistics. Speech science. Heuristics”. Genres of Speech. Saratov: Science. Issue. 6. Genre and Language. Pp. 210-221. [In Russian]
16. Stepin V. S. 1976. Formation of Scientific Theory (Substantive Aspects of the Structure and Genesis of Theoretical Knowledge of Physics). Minsk: Belarusian University. 320 p. [In Russian]
17. Tabanakova V. D., Trifonova I. S. 2018. Homonymy of a Natural Scientific Term in Discourse and Dictionary: Monograph. Tyumen: Tyumen State University Press. 140 p. [In Russian]
18. Kholodnaya M. A. 2004. Cognitive Styles. On the Nature of the Individual Mind. 2nd edition. Saint-Petersburg: Piter. 384 p. [In Russian]
19. Shaimiev V. A. 2001. “Discursivity and metadiscursivity of the text of a scientific work”. Speaking and Listening: Linguistic Personality, Text, Learning Problems. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Saint-Petersburg. 541 p. [In Russian]
20. Sirotinina O. B. (ed.). 2021. Efficiency of Communication: Influence of Spheres of Communication on the Factors of its Achievement: Monograph. Saratov: Nauka. 256 p. [In Russian]